
СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
О СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ
В НАЧАЛЕ 20-х ГОДОВ

Ленинское учение о государстве диктатуры пролетариата, истории его становления и развития в нашей стране, а также о сущности советской политической системы является объектом ожесточеннейших атак со стороны буржуазных социологов. Против ленинской концепции Советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата, т. е. орудия в руках рабочего класса для построения социализма, не менее рьяно выступали и выступают правые социалисты, оппортунисты и ревизионисты всех мастей. Сразу же после установления в России Советской власти «опровергнуть» ее соответствие марксизму поспешили меньшевики, а вслед за ними К. Каутский. Выдвинутая ими и позднее трансформированная Троцким и Зиновьевым фальшивая формула «диктатура партии», искажающая действительные взаимоотношения между рабочим классом и его политическим авангардом, была призвана обосновать капитулянтский тезис о невозможности построения социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране — в России. С нападками на советскую систему государственной власти выступили и деятели «рабочей оппозиции», которые с аппаратно-синдикалистских позиций доказывали необходимость устранения Коммунистической партии и Советского государства от руководства экономикой.¹

Ныне в роли главных критиков ленинского учения о государстве диктатуры пролетариата подвизаются преимущественно буржуазные идеологи. Естественно, что многие схемы, идеи, методы этой критики взяты ими из арсенала противников ленинской концепции Советской власти прошлого: от Каутского до оппозиционеров в рядах РКП(б). Это особенно характерно для буржуазной исторической науки и так называемой «советологии», подвергающих нападкам историю Советского государства последних лет с использованием некоторых «исторических» штампов. Раз-

¹ См. подробнее: В. М. Курцын. Критика левооппортунистических извращений ленинского учения о социалистическом государстве. — Вопросы истории КПСС, 1969, № 8, стр. 18—31.

мах «работы» буржуазных идеологов на этом поприще весьма велик. Появляются десятки книг «советологов» о прошлом и настоящем Советского государства и советской политической системы, в которых ставятся вопросы о сущности и классовой природе этого государства на разных этапах его развития, об особенностях его социальной, экономической и политической жизни.

Советские юристы, философы, экономисты сделали немало для опровержения буржуазных концепций, призванных объяснить с антикоммунистических позиций сущность Советского государства на современном этапе его развития, характер его экономики, политики, идеологии, особенности советской политической системы.² Достижения советской исторической науки в этой области скромнее. Труды, в которых дается критика работ буржуазных историков о сущности Советского государства и его классовой структуре, пока еще весьма малочисленны.³

Между тем, ознакомление с произведениями буржуазных историков показывает, что именно буржуазная историография весьма активно проявляет себя в постановке и изучении указанных проблем и создает схемы и концепции, используемые «советологами» для искажения этих вопросов уже применительно к современной политической системе СССР.⁴ Особенно заметен интерес современной буржуазной историографии к вопросу о сущности Советской власти в начале 20-х годов, в период, который характеризовался чрезвычайно сложным экономическим, социальным, политическим положением Советской России, рядом весьма существенных изменений в положении классов, поворотом к новой экономической политике, созданием многонационального Союза ССР.⁵

² См.: В. Ф. Чага. Современные псевдонаучные теории социализма. М., 1966; М. П. Перфильев. 1) Критика буржуазных теорий о советской политической системе. Л., 1968; 2) Народ и партия едины. (Против буржуазных «советологических» спекуляций). М., 1971; Ленинское учение о диктатуре пролетариата. М., 1970, стр. 11—12, 17, 100, 114, 154, и др.

³ См.: В. М. Харламова. Разоблачение буржуазной фальсификации взаимоотношений КПСС с массовыми организациями трудящихся. — В кн.: Против фальсификации истории КПСС. М., 1964, стр. 87—130; Н. В. Щербань. Против буржуазных извращений роли Коммунистической партии в вовлечении рабочих в управление производством в восстановительный период. — В кн.: Страницы великого пути. Из истории борьбы партии за победу коммунизма. Ч. II. М., 1969, стр. 96—125.

⁴ Такова, например, концепция так называемого «тоталитаризма», подробная критика которой содержится в статье Е. Чехарина «Теоретические спекуляции идеологов антикоммунизма. О буржуазной критике политической организации социалистического общества». (Коммунист, 1969, № 10, стр. 101—112).

⁵ Последний вопрос, включая и проблему национальной политики КПСС, также вызывающий повышенный интерес буржуазной историографии, уже был предметом серьезного критического анализа в работах советских авторов. См., например: М. Н. Росенко. Извращение принципов ленинской национальной политики в СССР — составная часть современного антикоммунизма. — В кн.: Против буржуазной фальсификации

Все это делает актуальной предпринятую в данной статье попытку проследить и подвергнуть критическому рассмотрению трактовку в современной буржуазной историографии ряда вопросов, касающихся сущности и классовой природы Советского государства в начале 20-х годов.⁶ Выявление основных направлений в интерпретации этой проблемы буржуазными авторами тем более необходимо, что наибольшему искажению подвергаются те вопросы, которые недостаточно изучены советской исторической наукой.⁷

Советское государство, возникшее в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, является орудием диктатуры пролетариата. Свергнутые в ходе этой революции эксплуататорские классы используют все силы и средства, чтобы реставрировать свое господство, оказывают новой власти отчаянное сопротивление. Диктатура пролетариата, действуя как государственная власть, вынуждена пресекать все эти попытки. Но государство диктатуры пролетариата не исчерпывает свое назначение подавлением сил старого порядка, оно выступает организатором строительства нового общества и в этом смысле является государством переходного периода от одной общественно-экономической формации к другой.

Диктатура пролетариата есть прежде всего понятие государственное. Это государство, в котором пролетариат организуется как господствующий класс. Учение о диктатуре пролетариата является продолжением и логическим завершением марксистско-ленинского учения о классах и классовой борьбе, о революционно-преобразующей роли пролетариата в истории, о его гегемонии в революции. Пролетариат выступает в качестве гегемона революционной борьбы трудящихся еще в условиях капитализма. При этом вовсе не обязательно, чтобы он составлял большинство населения страны. Его сила, его способность стать во главе этой борьбы неизмеримо больше, чем его доля в общей массе населения. «Это — потому, — писал В. И. Ленин, — что пролетариат экономически господствует над центром и периферией всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что

истории советского общества. Л., 1967; И. С. Зенушкина. Советская национальная политика и буржуазные историки. (Становление советского многонационального государства (1917—1922 годы) в современной американской историографии). М., 1971, и др.

⁶ В основу работы положено рассмотрение главным образом английской и американской исторической литературы, которая в настоящее время в значительной мере определяет характер изучения истории СССР всей западной буржуазной историографией.

⁷ Оценивая советскую историографию истории классов и политических партий в первые годы inşa, авторы коллективного труда «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России» (М., 1970) отмечают, например, что «цельной научной картины того, что представлял собой рабочий класс СССР на переломе от войны к миру, нет» (стр. 385).

пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме».⁸ Кроме того, пролетариат, как класс, уже в условиях капитализма отличают революционность, организованность, дисциплинированность, чувство коллективизма.

Однако, являясь в условиях капитализма гегемоном революционной борьбы трудящихся, пролетариат не был руководителем общества. Исторический опыт показывает, что руководство обществом принадлежит классу, выступающему в качестве собственника средств производства, а таким классом в условиях капитализма является буржуазия, которая господствует в экономике и руководит государством. В результате победы Октябрьской революции и установления диктатуры пролетариата господствующим классом становится пролетариат. Рабочий класс остается основной производительной силой общества, каким он был уже при капитализме, но одновременно он является и руководителем нового общества, строящего социализм. В этом его принципиальное отличие от всех предшествующих господствующих классов, которые, будучи руководителями общества и государства, в силу своего экономического господства не были в то же время производительными классами. Новое лицо рабочего класса в государстве диктатуры пролетариата четко очерчено В. И. Лениным: «Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, *господствующим* классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобществленными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров».⁹

Оценивая диктатуру пролетариата как понятие прежде всего государственное, В. И. Ленин вместе с тем не сводил ее только к государственной власти, а видел в ней целую «систему», «механизм» политической организации общества в условиях перехода от капитализма к социализму. В основе этой системы лежало использование всех наличных сил и организаций пролетариата в целях осуществления им политической власти в обществе. Естественно, что для руководства обществом пролетариат сам нуждается в научном руководстве, его развитие осуществляется не стихийно, а направляется авангардом, Коммунистической партией. «На нашу партию, как на организованный авангард пролетариата, — писал В. И. Ленин, — легла задача объединения борьбы рабочего класса и руководство его борьбой за победу рабоче-крестьянской Советской власти».¹⁰

Руководящее положение марксистской партии в системе диктатуры пролетариата по отношению ко всем другим организа-

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 23.

⁹ Там же, т. 39, стр. 279.

¹⁰ Там же, стр. 305.

циям рабочего класса и трудящихся масс и к государственным органам В. И. Ленин объяснял рядом факторов. Партия была передовым отрядом рабочего класса, высшей формой его организации. Она состояла из наиболее сознательных и политически активных представителей рабочего класса, трудового крестьянства, интеллигенции. В ее рядах были собраны самые деятельные, наиболее достойные люди из всех слоев трудящихся. Поэтому они не допускали возникновения в партии узковедомственных или узкопрофессиональных тенденций. Партия была вооружена передовой, революционной, научной марксистско-ленинской теорией, которая позволяла ей правильно оценивать ход исторического развития, намечать цели и методы их достижения.¹¹ Оценивая в этом смысле роль Коммунистической партии, В. И. Ленин писал: «Диктатура пролетариата невозможна иначе, как через Коммунистическую партию».¹²

Ленинское учение о диктатуре пролетариата исходит из диалектики взаимоотношений экономического базиса и политической надстройки общества. Признавая, что переход от капитализма к социализму является исторически закономерным процессом развития экономических отношений производства, марксизм-ленинизм никогда не считал, что экономика стихийно, сама по себе сможет решить основные задачи общественного развития, привести к успеху социализма без направляющего воздействия надстройки. Ленинская формула «политика — это концентрированная экономика» раскрывает эту диалектику и взаимосвязь базиса и надстройки, показывает огромное значение субъективного фактора, организующего начала сознательной общественной деятельности.¹³ Поскольку политика, согласно одному из определений В. И. Ленина, — это «участие в делах *государства*, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства»,¹⁴ то ясно, сколь велика роль государства диктатуры пролетариата в развитии экономики, в укреплении и становлении экономического базиса нового общества. Оно обладает такими возможностями воздействия на экономическую жизнь страны, которыми другие, эксплуататорские, государства не располагают. В ведении государства диктатуры пролетариата находится фонд социалистической собственности, позволяющий занять командные высоты в области экономики. Роль политической надстройки, и прежде всего государства диктатуры проле-

¹¹ См. подробнее: П. М. Снурников. В. И. Ленин о руководящей роли Коммунистической партии в системе диктатуры пролетариата. — В кн.: Вопросы стратегии и тактики в трудах В. И. Ленина послеоктябрьского периода. М., 1974, стр. 5—50.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 42.

¹³ См. подробнее: Ленинское учение о диктатуре пролетариата, стр. 150—155.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 340.

тариата, в развитии и укреплении экономического базиса сказывалась уже в начале 20-х годов, несмотря на крайне тяжелое положение народного хозяйства и самого пролетариата. В. И. Ленин ставил тогда перед государством задачу активного воздействия на экономическую жизнь, считая необходимым для рабочего класса осуществлять свою диктатуру так, «чтобы он себя, как класс, чувствовал прочно, чтобы чувствовал почву под ногами».¹⁵ Именно поэтому он нацеливал партию и государство на восстановление крупной промышленности с целью укрепления экономической базы государства диктатуры пролетариата.¹⁶

Современная буржуазная историография не может противопоставить рассмотренным выше ленинским положениям о государстве диктатуры пролетариата сколько-нибудь цельной собственной концепции. Разные авторы в своем толковании сущности Советского государства в начале 20-х годов опираются на одно или несколько исходных положений, не пытаясь, как правило, рассмотреть проблему во всей ее полноте. Каждое из этих положений представляет собой попытку искажения какого-либо из аспектов ленинского учения о государстве диктатуры пролетариата применительно к раннему этапу его развития. Ознакомление с целым рядом работ зарубежных историков и «советологов» позволяет выявить основные направления и методы их подхода к данной проблеме.

В основе схем, призванных объяснить сущность советского государственного строя в начале 20-х годов, в современной буржуазной историографии лежит концепция о так называемой «диктатуре пролетариата без пролетариата». Эта концепция покоится на двух положениях, в тех или иных вариациях проявляющихся в работах зарубежных авторов. Первое из них, характерное для наиболее реакционной части буржуазных историков и почти всех «советологов», состоит в тенденциозном подходе к оценке взаимоотношений между большевистской партией и рабочим классом, стремлении представить этот класс в качестве простой игрушки в руках «партийной элиты», не имеющей якобы ничего общего с его интересами и чаяниями, а политику партии в отношении пролетариата — как сумму тактических средств во имя утверждения собственного господства.

Второе положение, опирающееся на данные об относительной слабости российского пролетариата и его сравнительной малочисленности в первые годы Советской власти, о его частичном деклассировании и распылении вследствие гражданской войны, возводит эти процессы в абсолют, всячески преувеличивает

¹⁵ Там же, т. 43, стр. 310.

¹⁶ Там же, стр. 81, 309—311.

и раздувает их, делая вывод об отсутствии социальной базы для диктатуры пролетариата, составлявшей сущность советского государственного строя.

Остановимся сначала на этих двух положениях, а затем перейдем к оценке в целом концепции «диктатура пролетариата без пролетариата» и посмотрим, как она отразилась на анализе классовой структуры советского общества 1920—1922 гг.

Как же современная реакционная буржуазная историография оценивает роль рабочего класса Советской России в тот период и отношение партии к нему? Наиболее типичной в этом плане является книга известного «советолога», научного сотрудника Русского исследовательского центра при Гарвардском университете, профессора А. Улама «Ленин и большевики». Рассматривая вопрос о взаимоотношениях большевистской партии и пролетариата, А. Улам исходит из посылки, что она не является частью или авангардом рабочего класса, а представляет собой некую кастовую, элитарную группу, которая лишь использует этот класс в своих тактических целях. Суть его схемы сводится к следующему. После победы Октябрьской революции и в период гражданской войны партия ищет поддержки у рабочего класса с единственной целью — удержаться у власти. Поэтому рабочих начинают убеждать в том, что они — хозяева страны, что советское государство — «это их государство». В частности, рабочий контроль призван был дать понять рабочему его новое положение в обществе. Этому же способствовала и продверстка, которая якобы заставила крестьян смотреть на рабочих, как на новое привилегированное сословие, как на «новый правящий класс».¹⁷ С окончанием гражданской войны, когда, по мнению А. Улама, непосредственная потребность поддержки большевистской партии со стороны рабочего класса уменьшается, для партии, считает он, появляется возможность указать рабочим «их настоящее место» и даже «начать фронтальную атаку на существующее положение дел». Поэтому, продолжает он далее, большевиками выдвигается теория о том, что промышленностью должны руководить специалисты и государственные органы, а дело рабочих и их профсоюзов — быть придатком государственной системы. С этого времени, утверждает Улам, любая их попытка вмешательства в управление производством «расценивалась как синдикализм и не была терпима». Сохранились, продолжает он, лишь некоторые возможности для продвижения отдельных рабочих, такие как получение образования и переход в ряды специалистов. Рабочий же класс в целом, считает А. Улам, ока-

¹⁷ A. Ulam. Lenin and the bolsheviks. The intellectual and political history of the triumph of communism in Russia. London, 1966, p. 468. (Мы пользуемся английским изданием книги А. Улама. В США она вышла годом раньше под другим названием: The bolsheviks. N. Y., 1965).

зался на старых позициях, присущих капиталистическому строю, ибо из класса-гегемона он превратился в класс, эксплуатируемый государственным капитализмом.¹⁸

В сущности ту же схему взаимоотношений партии и рабочего класса, зачастую даже еще более циничную, можно найти и у других представителей реакционного направления современной буржуазной историографии.¹⁹ Поскольку подавляющее большинство историков этого направления выдвигает такого сорта схемы в качестве аксиомы и нередко ограничивается простой их констатацией, обратимся к критике достаточно пространных рассуждений А. Улама.

Прежде всего рассмотрим исходные положения его схемы, которая представляет собой прямое извращение политики партии и государства диктатуры пролетариата по отношению к рабочему классу, а затем остановимся на некоторых частных вопросах, затронутых американским «советологом».

Во-первых, попытка А. Улама наметить вопреки историческим фактам какие-то два этапа в политике партии по отношению к рабочему классу (в период гражданской войны и с момента ее окончания) совершенно несостоятельна. По существу единственный «довод» автора в поддержку этого домысла состоит в том, что якобы на первом этапе партия, хотя бы из тактических соображений «терпела» вмешательство рабочего класса в управление производством, а на втором этапе, будто бы меньше нуждаясь в прямой поддержке пролетариата, отобрала у него это право. Рубежами А. Улам, вероятно, считает разгром анархо-синдикалистских взглядов «рабочей оппозиции» и решение XI съезда РКП(б) о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики. Однако политика партии в отношении анархо-синдикализма была принципиальной и единой как до, так и после окончания гражданской войны. Критика анархо-синдикалистских настроений в конце 1920 г. не была связана с каким-то новым отношением партии к рабочему классу, со стремлением «поставить его на место», как это представляется А. Уламу, а была проявлением последовательной позиции В. И. Ленина и большинства ЦК по этому вопросу. В самом деле, как можно уложить в схему А. Улама тот факт, что 4 марта 1918 г. В. И. Ленин на заседании Совнаркома решительно выступил против анархо-синдикалистских притязаний руководителей ЦК профсоюза водного транспорта, которые требовали сосредоточить управление этой отраслью экономики в руках профсоюза. В. И. Ленин заявил тогда, что эти требования «ничего общего с социализмом не имеют. Задача социализма — переход

¹⁸ A. U l a m. Lenin and the bolsheviks. . . , p. 468, 479, 519.

¹⁹ См., например: M. E a s t m a n. Love and revolution. My journey through an epoch. Second printing. N. Y., 1964, p. 228, 230.

всех средств производства в собственность всего народа, а вовсе не в том, чтобы суда перешли к судовым рабочим, банки к банковским служащим».²⁰ В мае того же года В. И. Ленин подверг резкой критике проект «Положения об управлении национализированными предприятиями», разработанный на заседании секции организации производства I Всероссийского съезда Совнархозов, в котором «левые коммунисты» проводили мысль о неправомерности подчинения всех предприятий данной отрасли всероссийскому центру.²¹ В. И. Ленин оценивал это как «областнический аппаратно-синдикализм». «Коммунизм, — писал В. И. Ленин, — требует и предполагает наибольшую централизацию крупного производства во всей стране. Поэтому общероссийскому центру безусловно надо дать право подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли».²² Подход В. И. Ленина и партии к этому вопросу в 1918 г. в принципе ничем не отличался от позиции, занятой ими в конце 1920—начале 1921 г. в связи с требованиями «рабочей оппозиции» передать профсоюзам управление отдельными отраслями народного хозяйства, а руководство всей экономикой — так называемому «Всероссийскому съезду производителей».

Таким образом, А. Улам выдает свое понимание участия рабочих в управлении производством, являющееся на деле апологией анархо-синдикализма, за действительный критерий участия рабочего класса в управлении народным хозяйством. Все другие факты и обстоятельства, не укладывающиеся в это понимание, отбрасываются им как не заслуживающие внимания.

Что же касается решений XI съезда РКП(б), в которых нашел отражение вопрос об участии профсоюзов (а следовательно, и рабочего класса) в управлении производством, то и эти решения ни в коей мере не могут служить для А. Улама «доказательством» перехода Коммунистической партии к «новому отношению» к рабочему классу. Действительно, с учетом введения новой системы управления промышленностью (хозяйственный или коммерческий расчет), которая могла дать эффект лишь при осуществлении на предприятиях единоначалия, съезд высказался против непосредственного вмешательства профсоюзов в управление предприятиями и за самостоятельное решение заводоуправлениями вопросов определения размеров заработной платы, пайков и т. д. в рамках заключенных с профсоюзами коллективных договоров. Но это, говорилось в резолюции съезда, не означает отрицания прав профсоюзов на участие в социалистической организации промышленности и в управлении ею.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 411.

²¹ См.: И. Б. Берхин. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970, стр. 85.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 392.

В качестве конкретных форм такого участия съезд указал на привлечение профсоюзов к формированию всех хозяйственных и государственных органов, связанных с экономикой, к выдвижению и подготовке администраторов из рабочих, к осуществлению планирования.²³

Во-вторых, американский профессор по существу рассматривает рабочий контроль над производством как некий тактический маневр, предпринятый якобы в целях обмана рабочего класса для того, чтобы заручиться его поддержкой после победы Октября. Однако на самом деле положение о рабочем контроле не было плодом какой-то «хитроумной тактики», как это представляется А. Уламу. Он возник как результат творчества самих рабочих еще в марте 1917 г. и был включен в качестве программного требования большевиков в основные документы партии (соответствующие резолюции VII апрельской конференции и VI съезда РСДРП(б), наметившие пути выхода из экономического кризиса). Переход от рабочего контроля к национализации, по поводу которого сетует Улам и который, кстати сказать, произошел в 1918 г., когда, согласно его схеме, рабочему классу прививалось представление как о «хозяйине страны», также не имеет ничего общего со сменой одной тактической линии партии в отношении пролетариата — другой. На самом деле рабочий контроль уступил место высшей форме руководства промышленностью со стороны пролетарского государства — ее национализации. В результате рабочий класс остался хозяином страны, выступая уже не только в качестве субъекта контроля на том или ином предприятии, но и как коллективный хозяин промышленности в общегосударственном масштабе, как носитель общественной собственности на орудия и средства производства.

Наконец, в-третьих, выдвинутый А. Уламом тезис об «эксплуатации рабочего класса» в начале 20-х годов так называемым госкапитализмом свидетельствует лишь о полнейшей путанице понятий американского «советолога» или сознательной попытке извратить существо вопроса. Ленинская теория госкапитализма в условиях диктатуры пролетариата не имеет ничего общего с теми представлениями о ней, какие старается навязать читателю американский профессор, по существу распространяющий это понятие на всю экономику переходного периода, включая и государственные предприятия. В этом вопросе А. Улам повторяет взгляды Троцкого, Зиновьева и других оппозиционеров, разоблаченных партией.²⁴

²³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1970). Т. 2. Изд. 8-е, доп. и испр. М., 1970, стр. 321—325.

²⁴ См.: В. М. Курицын. Критика левооппортунистических извращений ленинского учения о социалистическом государстве. — Вопросы истории КПСС, 1969, № 8, стр. 19—20.

Советская историческая и историко-экономическая литература, основываясь на ленинских оценках, рассматривает госкапитализм в условиях диктатуры пролетариата, с одной стороны, как один из хозяйственных укладов в экономике переходного периода от капитализма к социализму, с другой — как систему методов ведения хозяйства и мер государственного контроля, регулирование, использования в интересах пролетарского государства частного сектора с тем, чтобы обуздать мелкобуржуазную стихию.²⁵ Ни то, ни другое не дает оснований для утверждений об эксплуатации рабочего класса «госкапитализмом», поскольку число рабочих на собственно госкапиталистических предприятиях (концессионных, арендованных и др.) было весьма незначительно. К тому же трудовое законодательство поставило в жесткие рамки все действия частных предпринимателей в сфере их взаимоотношений с рабочими.²⁶ Что же касается государственных предприятий, на которых в 20-е годы было занято подавляющее большинство рабочих фабрично-заводской промышленности, то в условиях пролетарской диктатуры их доход шел своему рабочему государству. Кроме того, средства из прибыли предприятий шли также на улучшение социального обеспечения рабочих: их образование, строительство домов культуры, отдыха, развитие легкой промышленности.

Следовательно, и это общее положение схемы А. Улама не выдерживает никакой критики.

Остановимся теперь на некоторых частных вопросах, затронутых автором, пытающимся доказать, что с начала 20-х годов рабочий класс Советской России якобы лишается всякой возможности участия в управлении производством. Партия, которая, согласно домыслам А. Улама, указала рабочим «их настоящее место», на деле была озабочена вопросом о привлечении рабочих к организации труда, управлению производством. Этот вопрос специально обсуждался на Пленуме ЦК РКП(б) 9 августа 1921 г. В постановлении Пленума и принятом по его рекомендации Совнаркомом «Наказе о проведении в жизнь начал новой экономической политики» внимание профсоюзов было нацелено как раз на решение этой проблемы.²⁷

Именно в этот период, в 1921 г., появились первые производственные кружки, из которых впоследствии выросли производст-

²⁵ Подробнее по этому вопросу см.: П. В. Хессин. Ленинское учение о напе и его историческое значение. — Вестник МГУ. Экономика, 1971, № 3, стр. 22—23; А. И. Косой. Разработка В. И. Лениным проблем госкапитализма в условиях социалистического строительства. — В кн.: Новая экономическая политика. Материалы всесоюзной научной сессии. Вып. 2. М., 1971, стр. 24—39.

²⁶ См.: А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. (1924—1925). М., 1962, стр. 329.

²⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. 1. М., 1970, стр. 115.

вешние совещания рабочих. Как показывают исследования советских историков,²⁸ уже тогда были сделаны первые шаги по вовлечению рабочих масс в управление производством и в хозяйственное строительство. Было принято решение ВЦСПС и «Положение об экономических комиссиях», согласно которым предлагалось создать при местных комитетах производственные ячейки из опытных рабочих и специалистов в целях рационализации производства и поднятия производительности труда. Такие производственные ячейки в 1921 г. были созданы на ленинградских предприятиях — Сестрорецком заводе, «Севкабеле», в Кронштадте; в 1922 г. — на заводах им. Макса Гельца и «Светлана». Члены производственных кружков (ячеек) активно вмешивались в работу предприятий, принимали участие в решении вопросов пополнения предприятий кадрами, изыскания и ремонта оборудования и т. д.²⁹ Одной из форм вовлечения рабочего класса в управление народным хозяйством явилось также создание техсоветов, различных технических комиссий и секций. Например, после X съезда РКП(б) Петроградский Совет создал ряд секций и комиссий; была образована производственная секция Петросовета, которая в 1921 г. насчитывала 150 членов, а в 1924 г. — уже 659.³⁰ Следовательно, уже в этот период начали возникать новые формы и методы вовлечения масс в хозяйственное строительство, формы, соответствующие и экономической обстановке, порожденной эпохой.

Что касается командных кадров промышленности и получения образования лишь единицами рабочих, как считает А. Улам, то достаточно только вспомнить, что в годы пятилеток решающую роль в промышленности играли инженерно-технические кадры, подготовленные за годы Советской власти, которые в своем большинстве были выходцами из рабочих и крестьян. Уже в рассматриваемый период большинство директоров крупных фабрик и заводов вышло из рядов рабочего класса. К началу 1924 г. более 51% председателей правлений трестов вышло из рядов рабочего класса. В текстильных трестах этот показатель поднимался до

²⁸ Э. Б. Генкина. Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.). — История СССР, 1958, № 3; В. Н. Зеленецкая. Из истории производственных совещаний на предприятиях электротехнической промышленности Москвы и Ленинграда. — Тр. Московского государственного историко-архивного института, т. 14, 1960; О. И. Шкаратан. К истории первых производственных совещаний на предприятиях Ленинграда (1921—1924). — Вестник ЛГУ, 1961, № 8. (Серия истории, языка и литературы, вып. 2); А. З. Ваксер. Авангард рабочего класса и управление промышленностью в 1921—1923 гг. (на материалах Ленинграда). — Ученые записки ЛГПИ им. Герцена, т. 360, 1968.

²⁹ Восстановление промышленности Ленинграда (1921—1924 гг.). Документы и материалы. Т. 1. Л., 1963, стр. 226—227.

³⁰ А. З. Ваксер. Авангард рабочего класса и управление промышленностью в 1921—1923 гг., стр. 222—224.

62%, в металлических — до 77%.³¹ Среди 639 директоров предприятий рабочих было 35.7%, среди их заместителей — 25.2%. В составе директоров металлических предприятий рабочие составляли 73%, электротехнических — 75, текстильных — 54, химических — 25%. Самый передовой отряд рабочего класса — металлисты — дали наибольшее число командиров промышленности.³²

В начале 1921 г. каждое третье промышленное предприятие страны возглавлялось рабочим, а в органах управления металлообрабатывающей и текстильной промышленности рабочие составляли 45%. Отвечая в свое время «критикам» из двухсполовинного Интернационала на их обвинения о неверии большевиков в силы рабочего класса, В. И. Ленин писал: «... лучшие представители пролетариата теперь управляют Россией, создали армию, вели ее, создали местное управление и т. д., руководят промышленностью и пр. ... Рабочий класс создал и ведет государство советского типа...».³³

Как видим, и на этот раз исходное положение А. Улама, выдвинутое для «объяснения» сущности Советского государства в начале 20-х годов, представляет собой прямую фальсификацию действительных взаимоотношений партии и рабочего класса, роли этого класса в советском обществе после окончания гражданской войны.

Конечно, не все представители буржуазной историографии выступают с подобными оценками положения и роли рабочего класса. Имеют место признания и еще чаще полупризнания некоторого веса пролетариата в решении вопросов организации и управления промышленностью. Так, например, в сборнике «Будущее советского общества» под редакцией профессора Принстонского университета А. Кассофа отмечается, что в годы восстановления устойчивого положения», видимо, единственным в этот период завоеванием рабочих с точки зрения их статуса было косвенное привлечение через профсоюзы к управлению производством.³⁴ Однако ведущими в современной буржуазной историографии до сего времени остаются схемы, подобные той, что развивает в своей книге А. Улам.³⁵

Второе положение современной буржуазной историографии, которое также лежит в основе тенденциозной интерпретации во-

³¹ Комсостав крупной промышленности. М., 1924, стр. 13—14.

³² А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. (1921—1925 гг.), стр. 331.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 106.

³⁴ А. Kassofof (ed.). Prospects for Soviet Society. N. Y.—London, 1968, p. 360.

³⁵ Подробный критический разбор построений ряда других реакционных зарубежных историков по этому вопросу см. в упомянутой статье Н. В. Щербань «Против буржуазных извращений роли Коммунистической партии в вовлечении рабочих в управление производством в восстановительный период».

проса о сущности советского государственного строя в начале 20-х годов, нашло отражение в целом ряде книг и статей представителей реакционного направления, некоторых историков-экономистов и историков «либерального» толка. Им свойственно представление о предреволюционной России как о стране, которая только что вступила в стадию капиталистического развития, вследствие чего в ней якобы не было и рабочего класса в подлинном смысле этого слова или, во всяком случае, как главной революционной силы общества. Например, американский экономист, профессор Индианского университета Р. Кэмпбелл, повторяя оппортунистические доводы К. Каутского, утверждает, что «Россия действительно не была готова для социалистической революции», так как отсутствовали «условия этой революции»: высокий уровень промышленного производства, многочисленный рабочий класс, преобладание городского населения, достаточный уровень образования и т. д. Поэтому промышленный рабочий класс, по мнению Р. Кэмпбелла, отсутствовал как таковой и в Советской России. А раз не существовал рабочий класс, то не было и социальной основы для диктатуры пролетариата.³⁶

Поскольку искажение в современной буржуазной историографии вопроса об уровне экономического развития России в период империализма, состоянии российского пролетариата и его роли в революционной борьбе уже было предметом обстоятельной критики советских историков,³⁷ мы остановимся лишь на некоторых не отмеченных ими моментах, связанных с этой проблемой. В данном отношении весьма примечателен «вклад», внесенный в ее фальсификацию реакционным американским историком, научным сотрудником Гуверовского института войны, революции и мира Б. Вольфом. В одной из своих последних статей в сборнике к 50-летию Октябрьской революции, касаясь положения в Советской России в 1922—1923 гг., он пишет: «Ленин теперь был обескуражен фактом, что захватил власть в отсталой стране».³⁸ Далее автор пытается доказать, что В. И. Ленин к концу жизни якобы признал ошибочным захват власти пролетариатом в условиях, когда он не составлял большинства населения страны и его культурный уровень был невысок. Иными словами, Б. Вольф пытается приписать Ленину каутскианский подход к этому вопросу или в лучшем случае показать желание

³⁶ R. Campbell. Soviet economic power. Its organisation, growth and challenge. Cambridge (Mass.), 1960, p. 9—11.

³⁷ См.: Т. Д. Крупина, Д. А. Колесниченко, А. М. Соловьева. История рабочего класса и пролетарской борьбы в современной буржуазной историографии. — Вопросы истории, 1965, № 3, стр. 26—37; Б. И. Ноткин. Некоторые вопросы истории классов советского общества в трудах Э. Карра, Н. Яснога и Р. Конкеста. — Вестник МГУ, История, 1971, № 4, стр. 41—52.

³⁸ Fifty years of communism in Russia. Ed. with introduction M. Drachkovitch. The Pennsylvania State Univ. Press and London, 1968, p. 297—298.

Ленина подвергнуть свои прежние взгляды ревизии. На самом же деле именно для последних работ В. И. Ленина — «О кооперации» и «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова) — характерна резкая полемика с такого рода доводами, высказанными еще в учебнике, «написанном по Каутскому».³⁹ В. И. Ленин подверг сокрушительной критике антимарксистские утверждения зарубежных оппортунистов, меньшевиков и троцкистов о том, что в России не было объективных предпосылок для социалистической революции, что она не достигла такого уровня развития производительных сил и культуры, при котором возможно построение социализма. В России, стране со средним уровнем развития капитализма, имелись необходимые объективные условия, а также субъективные предпосылки для построения социализма. Особенности Октябрьской революции в России, лежащие «по общей линии мирового развития», не отметили основных закономерностей перехода к социализму. «...Мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких недантов)», политический и социальный переворот в стране оказался предшественником экономического и культурного ее прогресса,⁴⁰ — указывал В. И. Ленин.

Говоря о необходимости достижения определенного «уровня культуры» для создания социализма, В. И. Ленин спрашивал, «... почему нам нельзя пачать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».⁴¹ В. И. Ленин в своих последних работах глубоко обосновал программное положение о том, что советский народ может и должен построить социалистическое общество, что в России есть «все необходимое для построения полного социалистического общества»: диктатура пролетариата, союз рабочего класса и крестьянства, руководящая роль рабочего класса в этом союзе, общественная собственность на основные средства производства. «Это еще не построение социалистического общества, по это все необходимое и достаточное для этого построения»,⁴² — писал он. Такова была истинная позиция В. И. Ленина по вопросу о готовности российского пролетариата к социалистической революции, об условиях ее осуществления в России. Как мы видим, она не имеет ничего общего с тем, что выдвигается приписать Ленину Б. Вольф.

Другим утверждением буржуазной историографии, на котором следует остановиться, является тезис об «исчезновении» пролетариата в Советской России в 1920—1922 гг. как ведущей

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 382.

⁴⁰ Там же, стр. 377, 379.

⁴¹ Там же, стр. 381.

⁴² Там же, стр. 370.

политической силы общества, как господствующего класса в государстве.

Положение рабочего класса Советской России действительно было очень тяжелым к концу гражданской войны. Наиболее сознательные индустриальные рабочие стойко переносили трудности и лишения, голод, разруху и перебои в работе промышленных предприятий, по некоторая часть рабочих стала уходить в деревню, заниматься кустарничеством, мешочничеством, перебиваться случайными заработками. Распыление и частичное деклассирование рабочего класса создавали угрозу ослабления социальной базы диктатуры пролетариата, представляли опасность для судеб советского строя. К тому же за годы войны произошло изменение социального состава рабочего класса за счет притока в его ряды мелкобуржуазных элементов.

Краски всей этой безрадостной картины положения рабочего класса современная буржуазная историография пытается сгустить настолько, что перед читателем нередко появляется едва прикрытый тезис об «исчезновении» рабочего класса в Советской России и, следовательно, об отсутствии у партии и Советского государства какой-либо социальной базы.

Тезис о деклассировании рабочего класса Советской России выгладит в некоторых работах буржуазных историков как почти стопроцентное его «исчезновение». Английский историк И. Дейчер во многих своих работах отмечал, что в 1920—1921 гг. промышленный рабочий класс России стал наполовину деклассированным, наполовину — деморализованным.⁴³ Развивая свою версию «диктатуры пролетариата без пролетариата», автор пишет следующее: «Диктатура пролетариата была более или менее консолидирована, но в ходе этого процесса исчез сам пролетариат, как классово-сознательный элемент и как организующий фактор».⁴⁴

Американского социолога, профессора Мерилендского университета Т. Андерсона мало интересует степень процесса деклассирования и распыления рабочего класса России, так как из контекста его книги «Русская политическая мысль» можно заключить, что к концу гражданской войны российский пролетариат вообще перестал существовать как класс и «вернулся обратно к земле».⁴⁵

Хотя процесс деклассирования рабочего класса Советской России достиг значительных размеров и В. И. Ленин говорил об этом в выступлениях на X съезде РКП(б) и на X Всероссийской кон-

⁴³ I. Deutscher. 1) Russia in transition and other essays. N. Y., 1957, p. 8; 2) Stalin. A political biography. Oxford Univ. Press, 1966, Revised ed., p. 223.

⁴⁴ I. Deutscher. Stalin. A political biography, p. 223.

⁴⁵ T. Anderson. Russian political thought. An introduction. N. Y., Cornell Univ. Press, 1967, p. 323.

ферещин РКП(б) в мае 1921 г.,⁴⁶ слегка завуалированное утверждение буржуазных ученых о полном «исчезновении» в Советской России пролетариата как классово-сознательной силы общества является совершенно беспочвенным. Если обратиться к численности пролетариата России в 1920 г., то, согласно статистическим данным и подсчетам советских историков и экономистов, количество рабочих ценовой промышленности составляло тогда 1 222 811 человек, или 47,1% по отношению к 1917 году.⁴⁷ Следовательно, около половины рабочих фабрично-заводской промышленности в целом сохранили свою классовую принадлежность.

Кроме того, благодаря осуществлению новой экономической политики, способствовавшей ускорению восстановления промышленности и транспорта, процесс деклассирования был сначала приостановлен, а затем численность рабочего класса стала медленно, но неуклонно повышаться, в том числе и за счет возвращения на предприятия кадровых рабочих. Уже в 1924/25 хозяйственном году в промышленности было занято 1 млн 714,9 тыс. рабочих.⁴⁸

Несмотря на то что численность рабочего класса в 1920—1921 гг. была действительно невелика, никак нельзя отрицать активную роль рабочего класса в эти годы или считать оставшуюся его часть полностью деморализованной. Рабочий фабрики им. Петра Алексеева И. А. Кудряшев вспоминал, что «остался на фабрике только самый костяк кадровых пролетариев — человек триста-четыреста».⁴⁹

Кроме того, сохранилось значительное число квалифицированных рабочих — основное ядро фабрично-заводского пролетариата — в ведущих отраслях промышленности, например на оружейных и патронных заводах военной промышленности. В металлообрабатывающей промышленности продолжали работать 43% (по сравнению с 1917 г.) квалифицированных рабочих-металлистов. В области добычи торфа количество рабочих даже увеличилось, так же как в полиграфической и швейной промышленности. В связи с расширением военного производства несколько возросло число рабочих и в ряде губерний страны, таких как Калужская, Брянская, Тульская.⁵⁰

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 42, 311.

⁴⁷ С. Г. Струмилин. Производительность труда в СССР. — В кн.: Советская социалистическая экономика 1917—1957. М., 1957, стр. 122; А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. (1921—1925), стр. 68; А. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968, стр. 387.

⁴⁸ См.: Н. Черноморский. Советская промышленность в первые годы нэпа. — Вопросы истории, 1965, № 2, стр. 46.

⁴⁹ Век нынешний и век минувший. Рассказы рабочих фабрики им. Петра Алексеева. М., 1937, стр. 150.

⁵⁰ А. А. Матюгин. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства. (1921—1925), стр. 67—72.

Приведенные выше данные об организации производственных совещаний, об участии рабочих в управлении производством говорят о политической и трудовой активности рабочего класса в эти годы. Велика была роль рабочего класса и в хозяйственном строительстве. В 1921 г. ВЦСПС было учреждено звание «Герой труда», которое присваивалось губпрофсоветах по представлению рабочих собраний лицам, совершившим особые трудовые подвиги. К 1 мая 1921 г. многим рабочим было присвоено это высокое звание.

В рассматриваемый период рабочий класс под руководством Коммунистической партии приобрел уже опыт руководства политической и экономической жизнью страны. Основные массы рабочих твердо верили в великое дело социалистической революции, в победу социализма, стремились к активной созидательной деятельности, несмотря на деморализующее влияние разрухи в промышленности.

В начале 20-х годов рабочий класс активно участвовал в управлении государством через Советы и их органы. Значительное число рабочих было представлено в центральном и местном государственном аппарате. В составе ЦИК СССР второго созыва было 414 депутатов, в том числе 169 рабочих (40,8%). Среди депутатов горсоветов РСФСР в 1922 г. находилось 44% рабочих.⁵¹

Многие представители рабочего класса принимали активное участие и в управлении промышленностью через ВСНХ, который был главным государственным органом руководства экономикой. В. И. Ленин, основываясь на отчете ВСНХ VIII Всероссийскому съезду Советов, привел данные на 19 декабря 1920 г. о степени участия рабочих в органах управления промышленностью. Только в Президиуме ВСНХ и губсовпархозов, в коллегиях главных управлений, отделов, центров и главков, в коллегияльных и единоначальных фабрично-заводских управлениях из 1470 сотрудников 905 (т. е. 61,6%) являлись рабочими. «Итак, уже теперь, — писал В. И. Ленин, — участие рабочих, в среднем, составляет 61,6%, т. е. ближе к 2/3, чем к половине!».⁵²

Оценивая роль рабочего класса в начале 20-х годов, В. И. Ленин в своей речи на X Всероссийской конференции РКП(б) 26 мая 1921 г. сделал вывод о полной возможности осуществления пролетариатом своей диктатуры: «... даже тогда, когда пролетариату приходится переживать период деклассированности, переживать эти минусы, он, несмотря на эти минусы, свою задачу завоевания и удержания власти осуществить может».⁵³

Оба рассмотренных выше положения современной буржуазной историографии служат почвой для измышлений о существо-

⁵¹ Там же, стр. 329.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 284.

⁵³ Там же, т. 43, стр. 311.

государственного строя Советской России этого периода — диктатуре пролетариата. Здесь мы подходим к вопросу, который подвергается наибольшему искажению в современной буржуазной историографии, т. е. к вопросу о соотношении партии и класса, точнее, Коммунистической партии и рабочего класса. Суть концепции о «диктатуре пролетариата без пролетариата» современной буржуазной историографии, несмотря на различные оттенки, состоит в утверждении о «диктатуре партии», как основе государственного строя 20-х годов и советской политической системы в целом. Эти домыслы приводит уже известный нам А. Улам, они содержатся в работах и таких «советологов», как А. Мейер, С. Хэркейв, И. Дейчер и др. Разница состоит лишь в том, что одни, как И. Дейчер, называют это «политической диктатурой», другие придерживаются термина «диктатура партии», толкуя его по своему вкусу, то применительно ко всей партии, то к ее секретариату, а то и к отдельным руководителям.⁵⁴

В основе всех этих измышлений и спекуляций лежит попытка рассматривать партию как замкнутую элиту, озабоченную лишь удержанием власти и не имеющую никакого отношения к рабочему классу. Тезис этот не новый и покоится целиком на извращении понятий «класс» и «партия», на игнорировании марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата, государственной форме которой предусматривает политическое господство в обществе рабочего класса в целях подавления свергнутых эксплуататорских классов и построения социализма.

Марксизм-ленинизм понимает под классами большие группы людей, различающихся по их месту в системе общественного производства, по отношению к средствам производства и роли в общественной организации труда. Коммунистическая партия, согласно марксистско-ленинскому учению, есть передовой организованный отряд рабочего класса, его авангард, выражающий интересы класса в целом.

Исходя из марксистского понимания категорий «класс» и «партия», В. И. Ленин еще в 1920 г. показал, что «одна уже постановка вопроса: „диктатура партии или диктатура класса? диктатура (партия) вождей или диктатура (партия) масс?“ — свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли... Всем известно, что массы делятся на классы; — что противопоставлять массы и классы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; — что

⁵⁴ S. Harsave. Russia. A history. Chicago—Philadelphia—N. Y., 1959, Fourth ed., p. 523—525; I. Deutscher. Stalin. A political biography, p. 226; A. Ulam. Lenin and the bolsheviks, p. 464—465; A. Meyer. Leninism. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 1957, p. 210.

классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями».⁵⁵

Следовательно, попытка выдвигать в качестве основы государственного строя Советской России в начале 20-х годов «диктатуру партии» основана на искажении существа такого института, как партия. Сторонники такой версии пытаются убедить читателя в возможности внеклассового или надклассового подхода к понятию Коммунистическая партия, выхолостить из этого понятия основной его признак — положение авангарда рабочего класса, рассматривают ее как элитарную группу, не связанную с интересами класса. Именно поэтому представители реакционной буржуазной историографии не дают себе труда установить действительную связь между РКП(б) и рабочим классом в этот период.

Судить о представительности интересов рабочего класса партией большевиков можно по ее социальному составу, а также по контингенту привлеченных в ее ряды новых членов. В 1920—1921 гг. партия включала в себя значительный слой передовых рабочих. Наличие в ее рядах большого числа представителей интеллигенции с коммунистическим мировоззрением не меняло существа дела. К началу 1921 г. РКП(б) насчитывала свыше 730 тысяч коммунистов, объединенных в 20 тысяч партийных ячеек. Рабочих в партии было 44%, крестьян вместе с кустарями и ремесленниками около 24%, и 30% приходилось на долю служащих и других социальных групп. По отчетам о результатах выборов в партийные органы в конце 1920—начале 1921 гг. в состав 42 губернских партийных организаций было избрано 536 человек, из них 194 являлись рабочими, в том числе 97 рабочих были в прошлом металлистами.⁵⁶ Среди заполнивших анкеты 690 делегатов X съезда РКП(б) с правом решающего голоса было 257 рабочих, что составляло 37,2%; из 248 делегатов с правом совещательного голоса 73 человека (29,4%) также являлись рабочими.⁵⁷

По социальному составу делегатов X съезда РКП(б) рабочие занимали первое место среди других делегатов. Социальный состав ежегодного роста числа членов партии в начале 20-х годов также свидетельствует о том, что основная тенденция пополнения РКП(б) отражала тесную связь между классом и его партией, отражала устойчивое увеличение приема рабочих в партию.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 24.

⁵⁶ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. 1. М., 1970, стр. 16—18.

⁵⁷ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, стр. 760.

Рост числа членов РКП(б) за 1921—1923 гг. (в %) выглядел следующим образом.⁵⁸

	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Рабочие	29.7	42.4	52.7
Крестьяне	41.0	29.7	20.4
Служащие и прочие . .	29.3	27.9	26.9

Итак, рабочие составляли самый высокий процент среди членов Коммунистической партии, и, следовательно, она была не «элитарной группой», а частью рабочего класса, его авангардом.

Домыслы представителей реакционного направления современной буржуазной историографии о «диктатуре партии», как сущности государственного строя Советской России в начале 20-х годов, основываются также на спекуляциях относительно руководящей роли партии в системе диктатуры пролетариата, используемых для подмены понятия «диктатура пролетариата» термином «диктатура партии». Руководящая роль партии в системе диктатуры пролетариата и состоит в том, что она определяла и определяет политику Советского государства, вырабатывала и вырабатывает руководящие директивы и указания относительно направления деятельности государственных и общественных организаций. Сама же по себе партия являлась добровольной, общественно-политической организацией, а не государственным органом. В основе ее отношений с массами лежал метод убеждения, воспитания. Сила партии и ее руководящая роль в системе диктатуры пролетариата заключались в том, что она выражала интересы рабочего класса и трудящихся масс в целом, опиралась в своей деятельности на единственно правильную революционную теорию. «В народной массе, — писал В. И. Ленин, — мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится».⁵⁹

Руководящая роль Коммунистической партии не дает, однако, никаких оснований для утверждений о «диктатуре партии», поскольку диктатура пролетариата является сложным механизмом, который включает в себя целый ряд звеньев, но не сводится ни к одному из них в отдельности, в том числе и к партии. В статье «Великий почин» В. И. Ленин писал, что машина государства диктатуры пролетариата «возглавляется сотней-другой тысяч коммунистического пролетарского авангарда и состоит из миллионов организованных пролетариев».⁶⁰ Весь этот механизм в целом, по словам Ленина, представляет собой «формально

⁵⁸ РКП(б) в цифрах. Вып. 1. М., 1924, стр. 7.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 112.

⁶⁰ Там же, т. 39, стр. 29.

не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*.⁶¹ Таким образом, диктатура пролетариата, рассматриваемая как политический механизм, есть не собственная диктатура партии, а «движущий пролетарский аппарат», который при руководящей роли партии связывает ее с классом, массой и осуществляет диктатуру класса в целом.

Далее В. И. Ленин отмечал, что осуществление диктатуры рабочего класса невозможно «без нескольких „приводов“ от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся». ⁶² Такими «приводами» Ленин считал как государственные, так и общественные организации: Советы, профсоюзы и т. д. ⁶³ В этой системе организаций, в «механизме» диктатуры пролетариата руководящая роль принадлежит Коммунистической партии. Это авангард рабочего класса, ядро власти, без которого невозможна диктатура пролетариата.

Профсоюзы, поголовно охватывающие рабочий класс, связывают партию с классом. В 1921 г. почти восемь с половиной миллионов трудящихся были объединены в профессиональные союзы. Наиболее многочисленными и действенными были профсоюзы работников железнодорожного и водного транспорта, металлургов, текстильщиков и горнорабочих. ⁶⁴ Советы, входящие в систему диктатуры пролетариата, были ее государственной формой, включали в себя органы государственной власти и государственного управления. Затем шли кооперация, союз молодежи и другие массовые организации трудящихся. Таков был тот «механизм», при помощи которого пролетариат осуществлял свою диктатуру. Касаясь вопроса о «диктатуре партии», В. И. Ленин отмечал, что под нею можно понимать лишь руководство «сознательного меньшинства» широкими рабочими массами и его способность вести их за собой. ⁶⁵ В некоторых работах И. В. Сталина, посвященных ленинскому учению о диктатуре пролетариата, достаточно подробно рассмотрен вопрос об отношении Ленина к этой проблеме, показана несостоятельность попыток отождествлять диктатуру пролетариата с «диктатурой партии» только потому, что за ней признается руководящая роль в системе диктатуры пролетариата и т. д. ⁶⁶ Фальсификация этого положения неизбежно приводит к домыслам о «диктатуре партии» как некоей

⁶¹ Там же, т. 41, стр. 31.

⁶² Там же, т. 42, стр. 205.

⁶³ Там же, т. 41, стр. 31—32; т. 42, стр. 203.

⁶⁴ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 1, стр. 113.

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 236—237.

⁶⁶ И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 31—60.

надклассовой силе, осуществляющей насилие не только над свергнутыми эксплуататорскими классами, но и над трудящимися массами, включая и рабочий класс. Именно с этих позиций, как мы видим, и трактуют характер государственного строя Советской России в начале 1920-х годов многие реакционные буржуазные авторы, не утруждающие себя подысканием сколько-нибудь серьезных доказательств.

В работах историков буржуазно-либерального направления эти проблемы рассматриваются сравнительно подробно, хотя, пожалуй, нет ни одной из них, где бы они также не толковались явно тенденциозно. Вместе с тем следует отметить, что историки этого направления в отличие от явных антикоммунистов не рассматривают партию как элитарную группу, никак не связанную с рабочим классом и не представляющую его интересов, хотя нередко и преувеличивают фактор наличия в руководстве партии значительного числа профессиональных революционеров, выходцев из интеллигенции.

Наиболее развернутое изложение проблем о существовании советского государственного строя в начале 20-х годов и о «диктатуре пролетариата без пролетариата» содержится в целом ряде работ виднейшего представителя этого направления, крупного английского буржуазного историка Э. Карра. Последний также считает, что в действительности «диктатура пролетариата была заменена диктатурой партии».⁶⁷ В подтверждение своей точки зрения Э. Карр выдвигает два основных соображения. Во-первых, он явно связывает понимание этой проблемы с рассмотренным выше необоснованным положением о том, что диктатура пролетариата может стать реальностью лишь при наличии сильного и многочисленного пролетариата, составляющего большинство населения в стране и опирающегося на достаточно высокий уровень развития промышленности. Раз этого не было, полагает Э. Карр, «диктатура пролетариата была политическим, а не экономическим или социальным феноменом: это было руководство не класса, но партии или группы».⁶⁸

Во-вторых, Э. Карр пытается отыскать подтверждение своей точки зрения в высказываниях В. И. Ленина и документах партии послеоктябрьского периода. Остановимся подробнее на этих соображениях и методе «доказательства» английского профессора. Отказывая диктатуре пролетариата в экономической и социальной базе, считая ее лишь «политическим феноменом», Э. Карр тем самым вольно или невольно сбрасывает со счетов вопрос о характере собственности и государственном, социалистическом

⁶⁷ E. H. Carr. 1917: before and after. London—Melbourne—Toronto, 1969, p. 90—91.

⁶⁸ E. H. Carr. Socialism in one country. 1924—1926. Vol. 1. London, 1958, p. 134.

укладе в экономике Советской России начала 20-х годов. В самом деле, после Октябрьской революции в руках Советского государства оказалась вся крупная и частично средняя промышленность, земля, транспорт, внешняя торговля, т. е. так называемые командные высоты экономики. Несмотря на уступки частному капиталу в связи с переходом к новой экономической политике, общественная собственность на орудия и средства производства в значительной степени определяла сущность экономической базы государства диктатуры пролетариата, имела решающее значение для укрепления и развития этой диктатуры. «Господство пролетариата, — говорил В. И. Ленин в 1920 г., — выражается в том, что отнята помещичья и капиталистическая собственность... Победивший пролетариат отменил и разрушил до конца собственность, вот в чем господство класса. Прежде всего в вопросе о собственности. Когда практически решили вопрос о собственности, этим было обеспечено господство класса».⁶⁹

Кроме того, экономической опорой Советского государства диктатуры пролетариата, государства социалистического по своим целям и задачам, являлся социалистический уклад народного хозяйства. Раскрытая партией диалектика взаимоотношений политической надстройки и экономического базиса в условиях перехода от капитализма к социализму, взаимодействия государственной власти и экономической ее основы в виде социалистического уклада, хотя и недостаточно мощного, но, благодаря наличию государственной власти в руках пролетариата, имевшего перспективы стать главным укладом экономики страны, способствовала выбору верного пути (сохранение и укрепление социально-экономической базы диктатуры пролетариата).

Приобретая в результате социалистической революции и первых преобразований народного хозяйства соответствующую экономическую основу в виде социалистического уклада, государство диктатуры пролетариата само стало орудием ее расширения и укрепления, создало необходимые условия для восстановления экономики и роста численности рабочего класса. Развитие этого процесса и обеспечило ликвидацию известного разрыва между политической надстройкой и экономическим базисом. Абсолютизация роли политической надстройки, вычленение из целой системы диктатуры пролетариата одного из ее звеньев — партии, игнорирование экономической основы и характера собственности Советского государства — вот основные причины вольного или невольного искажения Э. Карром сущности советского государственного строя в начале 20-х годов.

Что касается попыток Э. Карра пайти подтверждение своим взглядам на сущность советского государственного строя в высказываниях В. И. Ленина и документах партии, то они также

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 251.

показывают известную односторонность и субъективизм автора в отборе и интерпретации источников.

Приведем только один пример. В своем 5-м томе истории Советской России под названием «Социализм в одной стране» Э. Карр пишет, что уже в 1919 г. В. И. Ленин якобы провозгласил «диктатуру партии», как действующую рабочую форму «диктатуры пролетариата». ⁷⁰ В подтверждение этого Карр ссылается на высказывание В. И. Ленина на VIII съезде РКП(б). Ленин говорил на съезде о том, что пролетарская революция устранила помехи на пути участия трудящихся в управлении государством. Однако, продолжил он, «низкий культурный уровень (масс — *II. III.*) делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы». Далее В. И. Ленин говорит о труднейшей воспитательной и образовательной задаче, которая стоит перед партией, и делает следующий вывод: «Громадная жажда знаний и громаднейший успех образования, достигаемый чаще всего внешкольным путем, — гигантский успех образования трудящихся масс не подлежит ни малейшему сомнению... Все признаки говорят за то, что в близком будущем мы получим громадный резерв, который займет места слишком надорвавшихся на работе представителей тонкого слоя пролетариата». ⁷¹ Но в этом высказывании В. И. Ленина речь идет не о сущности советского государственного строя, как диктатуры пролетариата, а конкретно об участии трудящихся в работе Советов. Ни словом Ленин не упоминает о «диктатуре партии». Он лишь констатирует, что низкий культурный и образовательный уровень масс приводит к тому, что участие в работе Советов принимает «тонкий слой рабочего класса». Из этого отнюдь не следует, вопреки, что правит партия, а не Советы. Во-вторых, если бы Ленин имел в виду только одну партию, то он употребил бы характерное для него выражение «авангард пролетариата», применявшееся им обычно при характеристике партии. Выражение же «тонкий слой пролетариата» можно понять только как активное участие в работе Советов наиболее передовых и сознательных рабочих, а не партии как таковой. Это высказывание говорит о наличии именно «диктатуры пролетариата», поскольку речь идет об участии в работе Советов, хотя и «тонкого», но все же слоя рабочего класса, и о том, что успехи образования трудящихся масс приведут к более широкому их участию в управлении государством.

Только так и можно оценить высказывание В. И. Ленина, на которое ссылается Э. Карр для подтверждения тезиса о «диктатуре партии».

⁷⁰ E. H. Carr. *Socialism in one country*, vol. 1, p. 104.

⁷¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 170—171.

Помимо такой своеобразной интерпретации этого высказывания В. И. Ленина, автор игнорирует само постановление VIII съезда РКП(б) по вопросу о взаимоотношениях между партией и Советами, которое не оставляет никаких сомнений в том, что оценка партией диктатуры пролетариата, роли Советов и РКП(б) в системе этой диктатуры была прямо противоположной тому, что приписывает В. И. Ленину Э. Карр. В резолюции VIII съезда партии по интересующему нас вопросу говорится следующее: «Советы являются государственными организациями рабочего класса и беднейшего крестьянства, проводящими диктатуру пролетариата в течение того времени, пока отомрет какое бы то ни было государство. Советы объединяют в своих рядах десятки миллионов трудящихся и должны стремиться к тому, чтобы объединить в своих рядах весь рабочий класс и все беднейшее и среднее крестьянство. Коммунистическая партия является организацией, объединяющей в своих рядах только авангард пролетариата и беднейшего крестьянства — ту часть этих классов, которая сознательно стремится к проведению в жизнь коммунистической программы. Коммунистическая партия ставит себе задачей завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д. Коммунистическая партия особенно добивается проведения своей программы и своего полного господства в современных государственных организациях, какими являются Советы. . . Смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в каком случае не следует. Такое смешение дало бы гибельные результаты, особенно в военном деле. Свои решения партия должна проводить через советские органы, *в рамках Советской конституции*. Партия старается *руководить* деятельностью Советов, но не *замещать* их».⁷² Здесь совершенно отчетливо проводится мысль о руководящей роли партии в системе диктатуры пролетариата и в то же время говорится о недопустимости со стороны партии подменять Советы и другие звенья системы диктатуры пролетариата. Найти в высказывании В. И. Ленина на съезде и в этой резолюции что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее выражение «диктатура партии» в качестве «рабочей формы диктатуры пролетариата», совершенно невозможно.

Несколько более умеренной, хотя в целом и не слишком определенной, выглядит трактовка вопроса о характере советского государственного строя научным сотрудником Русского института Колумбийского университета М. Левиным. В своей последней работе М. Левиц, вступая в противоречие с концепцией «диктатура пролетариата без пролетариата», признает довольно значительное участие рабочих в государственном управлении, или,

⁷² КПСС в резолюциях. . . , т. 2, стр. 76—77.

как пишет он сам, в «административной машине». Он даже считает, что, вовлекая в государственный аппарат рабочих, эта «административная машина» значительно уменьшала ряды рабочего класса, особенно металлистов, железнодорожников и шахтеров. В то же время он явно разделяет и некоторые положения Э. Карра.⁷³

Основываясь на концепции «диктатуры пролетариата без пролетариата», современная буржуазная историография зачастую совершенно произвольно толкует и вопросы о социальной базе Советского государства, классовой структуре общества и союзе рабочего класса и крестьянства.

Советская историческая наука при рассмотрении этих проблем основывается на ленинской оценке движущих сил революции и социалистического строительства. В. И. Ленин доказал, что построение социалистического общества и само существование диктатуры пролетариата в России, где пролетариат составляет меньшинство населения, возможно лишь при условии, если рабочий класс объединит вокруг себя и под своим государственным руководством непролетарские трудовые слои, и прежде всего крестьянство. Он указывал, что «высший принцип диктатуры — это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удержать руководящую роль и государственную власть».⁷⁴ После перехода к нэпу этот союз получил прочную экономическую основу для своего совершенствования и развития, результатом чего и было улучшение материального положения крестьянства, прекращение процесса деклассирования пролетариата, первые успехи в восстановлении народного хозяйства страны. Эти процессы, естественно, вели к укреплению социальной базы диктатуры пролетариата, отражением чего были неуклонное увеличение числа избирателей на выборах в Советы в городе и деревне на протяжении 20-х годов, усиление трудовой и политической активности рабочего класса и крестьянства.

Наиболее консервативное крыло реакционной буржуазной историографии, опираясь на рассмотренный выше тезис о состоянии пролетариата в начале 20-х годов и добавив к нему обветшавшую догму об исконной враждебности марксизма крестьянству, фактически отрицает наличие всякой социальной базы у Советского государства. По мнению А. Улама, К. Халта и ряда других буржуазных историков, Советское государство действовало в условиях полного «социального вакуума», поскольку ни рабочий класс, ни крестьянство, ни другие социальные группы не имели никакого самостоятельного значения и влияния в обществе.⁷⁵ Разумеется, такие карикатурные «классовые структуры»

⁷³ M. Lewin. Lenin's last struggle. N. Y., 1968, p. 5.

⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 47.

⁷⁵ A. Ulam. Lenin and the bolsheviks, p. 479—480, 486, 528; Reading in Russian civilization. Vol. 3. Soviet Russia (1917—1963). Ed. by Th. Ritha.

советского общества не находят поддержки даже у многих представителей реакционной буржуазной историографии, создающих, что отрицание всякой социальной базы Советского государства выглядит слишком уж неправдоподобно даже для западного читателя. Поэтому в 60-е годы большее хождение начинают приобретать другие «социальные структуры» советского общества, в известной мере навеянные отчасти теорией конвергенции, отчасти построениями некоторых современных ревизионистов.

В этом смысле характерной является трактовка социальной структуры, сложившейся в результате перехода к нэпу, предложенная американским историком, профессором Вермонтского университета Р. Дэниелсом. Отрицая, подобно другим сторонникам концепции «диктатура пролетариата без пролетариата», всякую самостоятельную роль рабочего класса в обществе, он отыскивает «новый класс», который в союзе с большевистской партией и составляет социальную структуру общества после поворота к нэпу. По его мнению, в основе этой структуры был компромисс, достигнутый между партией, с одной стороны, и технократией (специалисты), бюрократией («эксперты», «администраторы», «полицейский аппарат»), с другой. Эта социальная структура именуется им «менеджерским социальным порядком»,⁷⁶ а рабочий класс и крестьянство как таковые вообще выпадают из этой схемы.

Весьма примечательно, что тезис о союзе партии с технократией и бюрократией, якобы заменившем союз рабочего класса с крестьянством после поворота к нэпу, становится все более привлекательным для реакционных буржуазных авторов, запятых поисками аналогий в советской истории для ревизионистского учения Джиласа о «новом классе».⁷⁷

В основе такого рода «социальных структур» и «союзов», помимо перенесения некоторых явлений современной политической системы империалистических государств (роль технократии, менеджерский слой) на «советскую почву», несомненно лежит спекуляция относительно политики партии и государства по привлечению буржуазных специалистов в различные отрасли народного хозяйства, их использования в деле восстановления экономики страны.

Между тем партия и Советское государство решали этот вопрос отнюдь не на путях замены одного «союза» другим, как это представляется Р. Дэниелсу. В конспекте брошюры «О дикта-

Univ. Chicago Press, Chicago—London, 1969, p. 505, 680, 787; M. Fainsod. How Russia is ruled. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 1956, p. 97—98.

⁷⁶ R. V. Daniels. The conscience of the revolution. Communist opposition in Soviet Russia. Harvard Univ. Press, Cambridge (Mass.), 1965, Second printing, p. 136, 139.

⁷⁷ См., например: W. Scharndorff. Die Geschichte der KPdSU. München, 1961, S. 121.

туре пролетариата» В. И. Ленин определил использование буржуазии и буржуазных специалистов, «взятие на работу, принуждение служить пролетариату», как одну из форм классовой борьбы после завоевания рабочим классом политической власти.⁷⁸ Характер, место и степень эффективности участия буржуазных специалистов в восстановлении и строительстве новой экономики всецело зависели от тех рамок, в которые они были поставлены пролетарским государством, осуществлявшим господство над командными высотами в народном хозяйстве.⁷⁹

Представители буржуазно-либерального направления современной западной историографии не приводят в своих работах таких грубо карикатурных схем классовой структуры советского общества после введения нэпа, которые рассмотрены выше. Им свойственно более внимательное рассмотрение действительного положения каждого класса. В их работах делается попытка оценить роль и значение тех или иных классов в развитии общественного производства. Однако далеко не во всем можно согласиться с авторами трудов и этого направления современной буржуазной историографии.

Обратимся к работам Э. Карра, как наиболее видного представителя этого направления, где данный вопрос рассмотрен достаточно подробно. В своем труде «Социализм в одной стране» Э. Карр намечает три или четыре класса (группы) в социальной структуре советского общества после введения нэпа: рабочий класс, крестьянство и «независимые ремесленники», новая буржуазия (нэпманы и кулаки), командный (офицерский) корпус, к которому он относит должностных лиц, руководителей, технических специалистов, интеллигентов всех категорий и т. д.⁸⁰ Хотя такое деление и не соответствует нашему представлению о классах, несомненно, что такие социальные группы действительно имели место в структуре общества этого времени.

Однако оценка Э. Карром роли и веса того или иного класса (группы) в советской системе противоречива и вызывает возражения. С одной стороны, он признает, что сущность нэпа состояла в том, чтобы сохранить союз (или связь — link) между крестьянством и пролетариатом, который сложился еще в годы гражданской войны и благодаря которому была одержана победа в этой войне.⁸¹ С другой стороны, взаимоотношения и роль этих классов в рамках их союза в начале 20-х годов оценены им совершенно неправильно. Исходя из своих представлений о сущ-

⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 261—264.

⁷⁹ См. подробнее: Н. В. Щербань. Против буржуазных извращений роли Коммунистической партии в вовлечении рабочих в управление производством в восстановительный период, стр. 110—116.

⁸⁰ E. H. Carr. *Socialism in one country*, vol. 1, p. 90.

⁸¹ E. H. Carr. *The bolshevik revolution. 1917—1923*. Vol. II. London, 1952, p. 278. (Книга переиздана в 1963 г.).

ности советского государственного строя (об этом речь шла выше), Э. Карр соответственно этому оценивает и роль пролетариата в социальной структуре общества. «Но его (рабочего класса, — *И. Ш.*) относительный вес в социальном строе уменьшился. Концепция гегемонии пролетариата в революции, которая казалась действительной в героические дни Октября 1917 года, оказалась неработоспособной после того, как власть была взята», — пишет Э. Карр. «Пролетариат, — продолжает он, — был не способен „вести“ крестьянство, которое составляло 80% населения, и от которого он сам жизненно зависел».⁸²

В. И. Ленин еще в 1921 г. отмечал, что меньшевики выдвигали такой же тезис. Он писал: «Меньшевики рассуждают так: крестьянство составляет большинство, мы — чистые демократы, а потому большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть самостоятельным, то практически это означает не что иное, как восстановление капитализма. Лозунг тот же самый: союз с крестьянами. Когда мы об этом говорим, мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата».⁸³ Именно в соответствии с ленинским пониманием взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством и выглядели позиции обоих классов в начале 20-х годов. Пролетариат оставался гегемоном и вел за собой крестьянство. Между тем Э. Карр делает вывод, что после введения знамя «скорее крестьянство, чем промышленный пролетариат, взяло руководство на следующие три года, захватив главное место в заботах руководителей партии».⁸⁴ В другом случае он называет крестьянство «избалованным дитятей пролетариата», которое командовало своим родителем.⁸⁵

Итак, любопытная перемена мест слабеющих в союзе рабочего класса и крестьянства, от которой результат резко меняется. По Карру, как бы гегемоном в этом союзе становится крестьянство, а не рабочий класс. Еще любопытнее, что Э. Карр объясняет вес класса в обществе не производственными отношениями, не степенью участия в системе общественного производства и распределения и степенью влияния в политической жизни, а степенью забот партии над проблемами того или иного класса, т. е. проявляет крайне субъективистский подход к определению роли и значения классов в структуре советского общества.

Такие взгляды относительно положения и роли классов отражают ограниченность буржуазного мировоззрения такого несомненно серьезного исследователя, каким является Э. Карр.

Весьма примечательно, что в качестве доказательства вышеизложенного тезиса Э. Карр приводит неоспоримые данные

⁸² E. H. Carr. *Socialism in one country*, vol. 1, p. 99.

⁸³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 42.

⁸⁴ E. H. Carr. *Socialism in one country*, vol. 1, p. 100.

⁸⁵ *Ibid.*

о том, что в первые годы нэпа производство сельскохозяйственной продукции быстро возвращалось к своему довоенному уровню, тогда как тяжелая промышленность восстанавливалась крайне медленно. Рабочие легкой промышленности, продолжает он, так тесно связанные с крестьянским производством, заняли ведущее положение в экономике. «Пролетариат не только уменьшился численно, но и утратил свой особый, отличный характер»,⁸⁶ — заключает Э. Карр.

Но все эти данные вовсе не говорят об изменении соотношения между классами и переходе гегемонии к крестьянству. На самом деле нэп был рассчитан на восстановление в первую очередь крестьянского хозяйства и легкой промышленности не потому, что крестьянство как класс заняло ведущее положение в союзе, а потому, что эти отрасли экономики могли восстанавливаться быстрее, без больших капиталовложений, и создать необходимые резервы и средства для последующего перехода к восстановлению и развитию государственной тяжелой промышленности — материального фундамента социализма. Естественно, что это восстановление способствовало также численному росту рабочего класса и повышению его роли в экономической и политической жизни государства.

* * *

Таковы в самых общих чертах главные тенденции современной буржуазной историографии, которая в связи с рассматриваемой проблемой выдвигает свое особое «толкование» сущности советского государственного строя и на его основе оценивает классовую структуру общества в начале 20-х годов. Как видно из приведенных нами данных, они сводятся к следующему.

1. Оценка советского рабочего класса в соответствии с мерками капиталистического общества исключительно как производительной силы, объекта управления, политических манипуляций и даже эксплуатации и игнорирование его как господствующего в экономике и руководящего класса государства диктатуры пролетариата.

2. Искажение понятий «класс» и «партия», отрыв партии от рабочего класса, попытка рассматривать ее в качестве внеклассовой, «элитарной» группы.

3. Игнорирование учения о диктатуре пролетариата как сложном механизме политической системы, произвольное обособление и выпячивание отдельных частей этой системы, подмена понятия «диктатура пролетариата» термином «диктатура партии».

4. Спекуляция на известной слабости экономического базиса государства, преувеличение роли его количественных элементов

⁸⁶ Ibid., p. 100.

(уровень развития промышленности и связанная с ним численность пролетариата) и недооценка или игнорирование его качественной стороны (характер собственности, социалистический уклад экономики).

5. Отрыв политической надстройки от экономического базиса, оценка политики не как «концентрированной экономики», а по существу как внеэкономической по своей природе силы, игнорирование диалектики взаимодействия базиса и надстройки в условиях диктатуры пролетариата.

6. Подмена понятия социальной базы государства диктатуры пролетариата, союза рабочего класса и крестьянства мнимыми «политическими блоками» или оценка роли классов в этом союзе с крайне субъективистских позиций.

Все эти построения, включая концепцию «диктатура пролетариата без пролетариата», как было показано выше, являются несостоятельными попытками исказить характер Советского государства этого периода — государства диктатуры пролетариата. Опровержение таких концепций как путем их критического разбора, так и особенно посредством конкретно-исторического изучения вопросов истории советского государственного строительства, и в частности проблемы «класс—партия», применительно к началу 20-х годов, является важной задачей советских историков.